

Содержание

1. Первый сеанс. Понедельник	5
2. Дети будущего (I)	14
3. Королевская галера	35
4. Люцерн, 1934. Функция оргазма	55
5. Запретные часы	66
6. Второй сеанс. Вторник	85
7. Дети будущего (II)	95
8. Альгеро	112
9. Копенгаген, 1936. Эксперименты с бионами	130
10. Круг и треугольник	141
11. Третий сеанс. Среда	160
12. Дети будущего (III)	169
13. Троянский конь	187
14. Форест Хиллз, 1942. Биопатия рака	204
15. Исцеление	215
16. Четвертый сеанс. Четверг	235
17. Дети будущего (IV)	244
18. Заточенный кошмар	259
19. Рэнджли, 1954. Эфир, Бог и дьявол	275
20. Неназываемый культ	286
21. Пятый сеанс. Пятница	310
22. Дети будущего (V)	320
23. Извивающаяся богиня	339

24. Льюисберг, 1957. Убийство Христа	360
25. Могучий отец Сид	373
26. Шестой сеанс.	390
27. Космическое сверхналожение	392
28. Эпилог. Танит	407

1. Первый сеанс. Понедельник

Послышался скрип. В стене открылась крохотная дверца, и оттуда выскочила монахиня-карлица ростом с гнома. Она молча подмигнула, стрелой пронеслась через всю камеру и скрылась в стене напротив, где появился выход, которого раньше не было. Райх в изумлении встал с койки и пошел в том же направлении. Створка двери закрылась с глухим стуком, став при этом прозрачной. Райх четко увидел силуэт японского воина, совершавшего харакири, рядом женщина в длинном одеянии и с высокой прической, закрепленной шпильками, в отчаянии прижимала руки к груди.

Кровь просочилась в щель под дверцей и быстро растеклась по мощеному полу. Потом дверца исчезла, и пятно вместе с ней.

В воздухе запахло горелым. Райх уже собрался снова лечь, но в этот момент его настиг противный голос охранника Кокса.

— Доктор Райх! Доктор Вильгельм Райх!

Он неохотно пошел к решетке, по пути взглянув на календарь. Чистый лист. Видимо, меняя месяц,

случайно повесил его задом наперед. Райх перевернул календарь, но и там увидел пустой лист с одной-единственной надписью: «ПОНЕДЕЛЬНИК». Он махнул рукой и пошел спросить, что понадобилось Коксу.

— Доктор, для меня всегда большая честь разговаривать с вами,— насмешливо воскликнул тюремщик. Его длинный хобот, начинавшийся прямо между глаз, холодных и неподвижных, как у акулы, доходил почти до пола.— Вас ждет новый пациент.

Райх взгляделся в темноту за спиной тюремщика.

— Какой пациент? Я никого не ждал.

Кокс зашелся в приступе сухого скрипучего смеха.

— Разве? А как же тот тип, который все боится стать шизо... как его...

— Шизофреником?

— Точно! Вот, помните же! Погодите, сейчас я его выпущу.— Пальцы Кокса пробежали по связке ключей на огромном металлическом кольце, висящем на поясе. Замок скрипнул, затем часть решетки как будто растворилась.— Прошу вас, господин, проходите,— сказал Кокс с неожиданным пиететом.— Доктор Райх — тот, кто вам нужен. Знаете, в свое время он был знаменитостью.— Хобот тюремщика затрясся, будто пытаясь уловить аромат старых добрых времен, ныне канувших в Лету.— Ну же, входите. Больше никто вам здесь не поможет, это точно.

Райх по-прежнему видел лишь темноту, хотя теперь в ней начал вырисовываться контур какой-то пещеры. Затем он услышал далекий плеск воды, будто тьма скрывала от него побережье во время прибою

или какую-то подземную реку. Вдруг на черном фоне коридора ясно проявились белые нити паутины. В их плену корчился новорожденный с длинными конечностями, енкотрые состояли из сегментов разной длины, разделенных суставами. Внезапно новорожденный улыбнулся, обнажив острые пластины, наминавшие китовый ус. Потом испустил отчаянный крик и упал вперед. Райх с воплем отскочил.

Пациент стоял перед ним, скрестив руки на груди. Он казался очень высоким. Что это за одеяние? Райх попытался его рассмотреть, но ничего не вышло: в тот же миг острейшая боль пронзила переносицу. Он лишь увидел широкую черную накидку, развевающуюся от невидимого ветра, и еще что-то белое, доходящее почти до пола. Затем новый приступ боли заставил Райха закрыть глаза.

— Мне не нужен врач.

Металлический голос незнакомца вернул доктора к действительности. На всякий случай он открыл только один глаз, стараясь распахнуть его как можно шире. Кокс исчез, а коридор превратился в пещеру, озаряемую слабым светом. На стенах виднелись тени огромных насекомых, возможно тараканов, которые напозлали друг на друга. Но все внимание приковывал к себе гость, его лицо выделялось, как барельеф на ровной поверхности.

Райх попытался преодолеть смятение и рассмотреть незнакомца. Измученное и суровое лицо, не жестокое, но без всякой доброжелательности. Глубокие морщины делали черты еще более резкими. Тонкий

рот с едва видимыми губами, не знающими, что такое улыбка. Глаза ледяные, отстраненные, периодически вспыхивающие отблесками внутреннего жара, подавляемого усилием воли. Общий облик гостя выдавал в нем обладателя острого, но холодного ума, будто наблюдающего за происходящим со стороны.

— Я не совсем врач,— уточнил Райх, закончив изучать гостя.— Я был врачом. Сейчас я просто один из заключенных в Льюисберге ¹.

— Ваша жизнь меня не интересует. Мы тратим время впустую. Что вам от меня нужно?

Райх ответил не сразу. Его вниманием завладело странное явление: тень незнакомца пересекала всю камеру и заканчивалась под койкой, где, как вдруг ему показалось, извивался целый клубок каких-то омерзительных созданий. Черви? Змеи? Непонятно. Очертаниями загадочный сгусток напоминал мозг, но в движении, будто каждая извилина жила собственной жизнью.

Если это кошмар, то довольно странный. Непохожий на те кошмары, которые снились Райху обычно. Его никогда не пугали ползучие создания. Неужели этот человек смог вторгнуться в его воображение?

Доктор вздохнул.

— Я вас сюда не звал. Кокс говорит, вы боитесь шизофрении. Это правда?

¹ *Льюисберг* — город в Пенсильвании, США, в котором располагается федеральная тюрьма строгого режима. (Здесь и далее прим. пер.)

1. Первый сеанс. Понедельник

Незнакомец чуть прикрыл темные глаза, которые при этом вспыхнули.

— Шизофрении? — пробормотал он. — Что вы понимаете под этим словом?

Неожиданно Райх понял, что собеседник говорит на совершенно незнакомом языке. Но почему тогда он понимает каждое слово? Впрочем, рассуждения пока лучше отложить. На стенах камеры проявлялся целый сонм бледных лиц, которые пристально смотрели на него бутылочно-зелеными глазами. Одновременно глухая, но мучительная боль поползла сквозь внутренности. Пора положить конец этому странному разговору.

— Не будем обсуждать психиатрическую терминологию. Просто ответьте на мои вопросы. Не чувствовали ли вы себя во власти посторонних сил, враждебных или благожелательных? Вы слышите голоса? Приказы? Вы чувствуете угрозу от чего-то или кого-то?

Глаза собеседника еще больше сощурились.

— Нет.

— У вас нет ощущения, что внутри вас что-то шевелится? Не знаю, черви...

Выражение лица незнакомца резко изменилось, отразив на какое-то мгновение непередаваемый ужас. Но вскоре он пришел в себя, и от бывшего смятения осталась только недовольная гримаса губ.

— Почему вы спрашиваете?

— Ощущение, что в животе или в мозге ползают черви, — тоже один из симптомов шизофрении. — Теперь Райх был уверен, что страх перед ползучими

существами принадлежал незнакомцу, а не ему. Стало легче. Он бросил осторожный взгляд на пространство под кроватью. Копошение еще продолжалось, но контуры становились размытыми. Вот-вот все исчезнет.

— Я спросил, что вы называете шизофренией. Ответьте, пожалуйста.

— Ну, это не так просто... — Райх задумался, надо ли раскрывать гостю медицинские тонкости до того, как станет ясна вся картина. В прошлом с какими-то пациентами он обсуждал диагноз, с другими нет. Обычно шизофреники готовы к разговору о природе болезни, которой страдают. Но то были пациенты, а этого типа он точно не собирался лечить, так что решил ответить уклончиво.

— Обычно шизофренией называют раскол между телом и сознанием. Когда у «я» больше нет точного положения в пространстве. Понимаете?

— Нет. Если только ваше «я» не означает дух или душу. Означает?

— А есть разница между духом и душой?

Незнакомец усмехнулся.

— Вы кажетесь образованным человеком, а при этом не знаете элементарных вещей. Думаю, мне лучше уйти.

— Я вас и не держу! — Возмущение только усилило боль, которую доктор ощущал уже везде, особенно сильно в животе. На стенах и даже на потолке камеры появлялись дыры — черные туннели, — которые вели неизвестно куда. Из них доносился рокот волн, на который Райх обратил внимание еще раньше, но теперь

1. Первый сеанс. Понедельник

усиленный бурным клочкотанием и далеким эхом. Бледные многоглазые создания высовывались то из одного, то из другого туннеля, но прятались так быстро, что доктор не успевал разглядеть, как они выглядели.

Райху стало совсем плохо. Он посмотрел на мутную фигуру перед ним и покачал головой.

— Послушайте, я очень устал. В прошлом я был психиатром и психоаналитиком, но в последние годы больше занимался биологией и физикой. Если вам нужна помощь, обратитесь к кому-нибудь другому.

— Мне не нужна помощь!

Голос прозвучал так яростно, что Райх заинтересовался, забыв о собственной боли. Впервые он обратил внимание на сонную артерию и на грудину посетителя. Они были неподвижны и напряжены, словно не пропускали сквозь себя никакого дыхания.

— Может, вы отвергаете любую помощь, потому что боитесь людей? — спросил он тихо. — Почему вы боитесь любого контакта?

По жесткому, застывшему лицу разлилась ярость, но, вопреки ожиданиям, гость не взорвался, а, напротив, заговорил с ледяным спокойствием, четко выговаривая каждое слово:

— Я ничего не боюсь. Кто повинуется божьей воле, не боится ни людей, ни демонов.

— Значит, вы считаете, что у вас есть миссия? Что вы повинуетесь чьей-то воле? — спросил Райх, помимо своей воли увлекаясь разговором.

— Конечно у меня есть миссия. Вас это удивляет?

— Нет, просто...

— Видимо, вы считаете, что следовать призванию и повиноваться высшей воле — симптом так называемой шизофрении?

Гость обладал поразительной ясностью ума. Райх замешкался, прежде чем ответить:

— В каком-то смысле.

— Тогда ответьте мне четко и ясно, без недомолвок. Что для вас шизофрения?

Тон вопроса не позволял уйти от ответа.

— Классический психиатр описал бы шизофрению примерно в тех же словах, что я использовал раньше.

— Я спрашиваю: что это такое для вас?

— Скажем так... Это потеря контакта с жизненными потоками собственного тела. При этом человек осознает, что жизненная энергия существует, просто он ищет ее источник вне себя: это может быть внешняя сила, какое-то божество, голоса или демоны.— Райх задумался, поймет ли незнакомец следующую мысль.— В каком-то смысле у шизофреника даже есть преимущество перед *homo normalis*, «обычным» человеком. Ведь последний даже не знает, что эти потоки существуют. Шизофреник, в отличие от него, это понимает, но не может их локализовать.

Тут же сотни белесых склизких существ высунулись из продырявивших всю камеру туннелей, покачивая влажными клешнями. Одновременно невесть откуда раздался хриплый голос охранника Кокса.

— Сеанс окончен. Доктор Райх, возвращайтесь на койку.

1. Первый сеанс. Понедельник

Тело незнакомца исчезло в тот же миг. А вот его суровое лицо осталось висеть в воздухе, успев задать вопрос:

— Что представляют собой потоки, о которых вы говорите?

Затем оно тоже исчезло.

Райх повернулся к Коксу, схватившись за живот и корчась от боли. Теперь у тюремщика было лицо теленка с тремя парами глаз, расположенных возле ноздрей.

— Что это был за тип?

— А, это судья.

— Да, по нему видно.

Кокс громко вздохнул, затем рассмеялся.

— Вы его не узнали? Это не просто судья. Это ваш судья.

Райх от изумления раскрыл рот.

— Так это судья Суини? Или Джон Клиффорд?

— Ни тот ни другой. Его зовут Эймерик. Николас Эймерик.

Вокруг Райха стало совсем темно. На ощупь он добрался до койки и упал на нее. Через секунду его подушка пропиталась запахом рвоты.

2. Дети будущего (I)

Мильтон Сид пробрался в середину спортзала, протирая сонные глаза. Многие ребята уже приняли позу для медитации: скрестив ноги, правая ступня на левом бедре, а левая — на правом. Конечно, ненавистный лотос!

Уже через пару минут все тело начинало ныть, а мышцы пресса болели невыносимо. Но, кажется, это единственный способ достичь «сатори», полного исчезновения «я». А без достижения «сатори» в старшие классы не переводили.

— Сид, как всегда, последний! — сказал инструктор Реншоу без злости или раздражения в голосе. — Некрасиво заставлять товарищей ждать.

Мильтон поклонился, потом устроился на своем обычном месте, между Джоном Даннингом и Бобом Линкольном. Случайный взгляд на пухлого Даннинга чуть не вызвал у него улыбку, настолько нелепо тот смотрелся в оранжевой тунике, на которой уже проступили пятна пота. К счастью, он сдержался. Инструктор как раз смотрел в их сторону.

— Представьте себе колодец,— сказал Реншоу, убедившись, что студенты сели в шесть ровных рядов.— Колодец, который начинается от вашей головы и уходит вниз, глубоко в землю. Теперь вдохните, задержите дыхание. Вот так, хорошо. Резкий выдох. Бросьте в колодец монетку. Считайте в уме: раз...

Мильтон машинально следовал за образами, но дышал как попало. Зоркий глаз Реншоу сразу заметил, что движение грудной клетки мальчика выбивается из общего ритма.

— Кажется, мы сегодня витаем в облаках, Сид.— В голосе не было упрека, просто констатация факта.— Ты плохо вдыхаешь и слишком часто выдыхаешь. Нужно задержать воздух в легких, а потом резко выдохнуть, до конца. Вы продолжаете считать? — обратился он к остальным.— Один выдох, одна монета, одно число. Сколько уже? Три. И еще одна монета. Скоро вам придется считать самостоятельно.

Мильтон подстроился под дыхание одноклассников, но даже не пытался считать монеты. Упражнение казалось глупым, и его вовсе не утешала мысль, что ровно то же самое вместе с ним проделывали тысячи американских школьников по всей Новой Федерации. Ему объясняли, что если сосредоточиться на монетах, то в какой-то момент потеряешь им счет — значит, «сатори» совсем близко. Может, так и есть, но Мильтон не был уверен, что ему так уж хочется отрешиться от самого себя. Все это называли медитацией, но, как заметил отец, когда они виделись в последний раз, в итоге всё сводилось к пустой голове. Получается,

истинная цель упражнений — ни о чем не думать и самому стать ничем. По крайней мере, так говорил отец, хотя ему не всегда можно было доверять.

В зале стояла тишина; Реншоу тоже присоединился к ученикам, делавшим упражнение. В старших классах в этот момент появлялись служители с палками. Они били по спине самых сосредоточенных, чтобы проверить, насколько те смогли отстраниться от реальности. Мильтон не был уверен, что позволил бы себя ударить, но в любом случае еще неизвестно, переведут ли его в старшие классы. Он слегка вздохнул и принялся смотреть в окно: за деревьями под ярким солнцем сиял залив Сан-Франциско.

Зазвенел колокольчик: значит, упражнение закончено. Все встрепенулись, словно очнувшись от сна, и начали подниматься — без помощи рук, опираясь на одно колено, как предписывали правила. Джон Данинг опасно покачнулся, не совладав с собственным весом, но удержался на ногах. Реншоу, скорее всего, заметил секундную потерю равновесия, но закрыл на это глаза.

Мильтон сложил тунику в шкафчик, надел голубую школьную форму и уже собрался идти в столовую с другими учениками, но тут его настиг бесстрастный голос инструктора:

— Сид, думаешь, я забыл о твоём поведении? Опоздание и небрежное выполнение упражнения! Мне жаль, но ты получаешь позорную метку.

У Мильтона от стыда покраснели уши.

— Простите, инструктор. Потом я исправился...

2. Дети будущего (I)

Реншоу пристально посмотрел на него холодными рыбьими глазами.

— Неправда. Ты все время отвлекался, я же видел. А теперь ты еще недоволен. Уже этого достаточно, чтобы заслужить взыскание.

Он достал из кармана фиолетовую карточку. Мильтон знал, что там написано. «Мое поведение недостойно ученика славной Школы талантов под патронатом компании „Стил Энерджи“». За три карточки вручали ослиные уши и выставляли на всеобщее обозрение во дворе; за шесть отчисляли из школы; за девять отправляли в Лазаретто без шанса вернуться. Он доходил максимум до двух. Ну ничего. Сид покорно подставил спину и позволил инструктору прилепить метку.

Как того требовал ритуал, остальные выстроились в две шеренги, пропуская провинившегося; лица были серьезны и выражали лишь недоуменную скорбь, единственную дозволенную в школе эмоцию. Только на совершенно черном лице Боба Линкольна промелькнула тень сочувствия, но он сразу спохватился и громко чихнул, чтобы отвлечь внимание. Реншоу остановил на нем взгляд, но затем отвернулся.

Затем все отправились в столовую, больше похожую на оранжерею из-за расставленных повсюду кадок с папоротником и огромных окон, выходящих на ярко-зеленый парк. Завтрак, как обычно, состоял из мультизлаковой каши. Вместе с обедом и воскресным ужином, завтрак был одним из редких моментов,